Николай ЖЕРНАКОВ

КОНИ МОИ, ДЕРЕВЯННЫЕ КОНИ...

В эти дни исполнилось бы 65 лет со дня рождения выдающегося советского писателя Федора Абрамова. Уроженец русского Севера, он в своей жизни писателя и гражданина всегда оставался верен этой суровой и доброй земле. Подолгу жил там, писал, общался со своими героями, поверял их жизнью творческие замыслы и свершения.

Земляк Ф. Абрамова, его друг и соратник, один из старейших архангельских писателей Н. Жернаков делится сегодня воспоминаниями о приездах писателя на коренную, питавшую его творчество землю. И эти бесхитростные строки возвращают нас к первоистокам творчества остросоциального и органически художественного, посвященного русскому Северу и советскому селу...

ФЕДОР Александрович Абрамов, его литературное наследие принадлежат и нашей, советской, и мировой культуре. Именно поэтому каждый, кто знал его — человека, писателя, — обязан рассказать о нем все ему известное, привнести в его облик что-то свое, другими, может быть, не замеченное, ибо каждая новая черта в этой личности дорога как для современников, так и для потомков.

Федор Александрович Абрамов в моей жизни — что-то очень большое и светлое. Все время моего знакомства с ним я понимал его как человека по-товарищески простого и в то же время, как человека необычайно сложного, глядел на него всегда, как говорится, снизу вверх, что ему не особенно нравилось, потому как он — человек чуткой души — считался с моим возрастом.

Знали мы друг друга давно, а личной встречи долго не получалось. Но вот летом шестьдесят пятого года он вместе с ныне тоже покойным известным ленинградским ученым Владимиром Ивановичем Малышевым появился в Архангельске. Мне, бывшему в то время ответственным секретарем областной писательской организации, довелось устраивать их в гостиницу. В номере была невыносимая духота (погода стояла жаркая), и Федор Александрович рвался на волю: «Скорей, скорей окунуться в Двину-матушку!» — приговаривал он. А Владимир Иванович — страстный собиратель литературных древностей — напустился на меня, как голодный на еду, с ходу расспрашивая, что мне известно о каких-то рукописных книгах XVII в., будто бы хранящихся у моего друга, редактора холмогорской районной газеты Тимофея Егоровича Будрина.

Проводив гостей на пляж, я принялся за свою обычную работу. Как вдруг, примерно через час, раздался звонок, и Владимир Иванович с тревогою сообщил мне, что Федора Александровича увезли на «скорой» в областную больницу. Я туда. Не пускают: «Ничего страшного, перегрелся на солнце, в связи с чем сердечная слабость и аритмия. Завтра можно».

Назавтра с утра я в больнице. В руках свертки, кульки с яблоками, печеньем, банка варенья. Федор Александрович так растрогался и так просил унести все обратно, что мне было впору сквозь землю провалиться...

Таков он был всегда: ничего для себя — все для товарища. В большом и малом. Мне тогда при первом личном знакомстве радостно и удивительно было узнать, что Федор Александрович, оказывается, читал почти все, что к тому времени мной было издано. Он даже свободно называл имена героев моих повестей и романов. И памятно мне сказал: «Пора уж тебе на всю ступню шагать. А то ты в своих «Единомышленниках» около главного-то все на цыпочках ходишь. Смелей надо, смелей! Не для себя пишешь — для народа».

Сам-то Федор Александрович этому правилу оставался верен всегда и всю жизнь до конца. Постоянно летом живя в своей родной Верколе, он не просто наблюдал жизнь северной деревни — он досконально знал ее прошлое и, в полной мере обладая историческим мышлением, с изумительной прозорливостью проникал в душу крестьянина, до самых глубин постигая его внутренний мир.

И мне не раз говаривал: «Ты с народом советуйся — народ не даст соврать...». Недаром глухая, рядовая и обычная на Пинежье деревня Пекашино стала теперь широко известной и близкой миллионам так же, как и люди, проживающие в ней.

Да, писатель знал жизнь и видел ее глубоко и разносторонне. Но жажда еще более глубоких знаний не давала ему покоя. Ему мало было знать — он должен был лично участвовать в этой жизни ежедневно и ежечасно.

В августе шестьдесят седьмого года Федор Александрович пишет мне: «...я хотел просить тебя кое-что показать на твоей родине. В частности, Холмогоры, один из хороших колхозов (выделено мной. — Н. Ж.) и кое-что в Архангельске... Я буду в Архангельске 12—15 сентября (примерно). Где тебя разыскивать? Напиши, пожалуйста, поскорее. Пинежский район, село Веркола, мне».

Его простота и скромность всегда были так естественны, что в отношениях с ним как-то незаметно стирались грани совершенно несовместимых наших литературных величин. В спорах не только он на меня, но и я на него мог накричать. И только после, одумавшись, я начинал переживать, но не совался к нему с извинениями: он такого категорически не переносил.

Памятуя его наказ: «Приеду, никаких посторонних при встрече, никаких автомашин — я к тебе еду и только...» — я пришел на пристань пешком, чем очень его порадовал.

До Холмогор надо было пройти два километра по-над рекой. Стояла та чудесная, как бы совершенно не северная, погода, когда солнце светит неярко и вокруг разлита мягкая ароматная от увядающих трав теплота, когда воздух хрустально чист и прозрачен, и на все вокруг смотришь словно через оптику.

Федор Александрович был в восторге, хотя старался не показывать этого. Он крупно шагал, чуть прихрамывая (фронтовое ранение в ногу), его обычно неулыбчивое лицо то и дело озарялось светлой улыбкой, он глядел и не мог наглядеться на родную ему северную благодать, глядел и всю дорогу молчал.

И вот мы четверо (с нами еще редактор местной газеты Т. Е. Будрин и шофер) назавтра же пустились в небольшое путешествие на редакторском «козлике». Конечной целью поставили себе, по желанию Федора Александровича, — Сийский монастырь, а до него, вверх по Двине, совхозы и колхозы: до Сии около ста километров.

Невозможно припомнить и описать все наши встречи с тружениками села, но на одной надо остановиться подробнее.

Я — старый газетчик, долго работал собкором областной газеты, так что, можно сказать, профессионально любознателен и любопытен, но все это было ничто по сравнению с любознательностью и любопытством Федора Александровича.

В одном из придвинских колхозов «Путь к коммунизму», действительно в то время передовом хозяйстве, которым много лет руководил умный и опытный председатель П. И. Коротков, мы провели целый день. Федору Александровичу надо было знать все: как и за счет чего получены высокие показатели в производстве продукции; как организован рабочий день животноводов; как учитывается работа трактористов; как вообще используется машинный парк — какова себестоимость продукции в связи с этим; как и где хранятся машины зимой? И вдруг строго и серьезно: «Почему нет на селе памятника погибшим землякам в Великую Отечественную войну?»

Все вопросы задавались с глубинным знанием крестьянского труда и «мужицкой» (как любил говорить Ф. А.) психологии, разговор шел на равных. Вокруг нас постоянно толклись люди, и надо было видеть, как они слушали и смотрели на писателя.

Вот примечательная картинка. У конюшни молодой парень «маялся», запрягая лошадь в повозку: то ли по совершенному незнанию, то ли по забывчивости он никак не мог правильно вставить в гужи дугу и, как говорится, психовал — даже пнул под брюхо добродушную, спокойную конягу.

— Конь-то чем перед тобой провинился? — сердито спросил Федор Александрович. — Пусти-ко...

Он твердо, но как-то необидно отодвинул парня в сторону, ловко и быстро запряг коня и, потрепав его ласково, пошел прочь.

Парень, красный по уши, открыв рот, долго смотрел ему вслед, а его товарищи что-то говорили ему, смущенно посмеиваясь и глядя в землю: видно, и они не очень-то сильны были в обращении с конем — с машинами им было легче.

Федор Александрович все должен был знать досконально, все пощупать своими руками, во всем убедиться лично. Время двигалось к вечеру. Он справился, дома ли сейчас колхозники, и пошел по избам (он так и сказал председателю: «А теперь, Павел Иванович, пойдем-ко по избам»), опять же, чтобы лично — глаза в глаза — поговорить с людьми уже в домашней обстановке.

Мы с Т. Е. Будриным старались поддерживать разговор, но куда нам было до этого, казалось, все знающего человека, до этого «сердцеведа», умеющего точным и вовремя сказанным словом вдруг вызвать у собеседника целый каскад ассоциаций и тем направить разговор в нужное ему русло.

Да и сама фигура Федора Александровича располагала колхозников к себе своей — как бы сказать — положительностью, что ли, всем его простым крестьянским обликом, не показной, а исконной, любезной сердцу северянина местной «говорей», со всеми ее неправильностями в оборотах и ударениями в словах, но такой понятной здесь каждому образной, яркой окраски, какую нельзя услышать нигде, кроме архангельского Беломорья.

Недаром местный житель, хороший мой знакомец, дотошный и, как говорят, себе на уме мужичок, большой любитель книг, Василий Иванович Томилов, говорил мне после, хитро прищурив глаз: «Сразу видать — наш, крестьянский писатель, нашего мужицкого корню... Наскрозь все видит! Ты ему — вот эдак, мол, надоть этот вопрос понимать. А он тебе: «А вот эдак не хошь?» И ведь в самую сердцевину попадет! Такого, брат, не проведешь...»

Подобные этому отзывы мы слышали и в других колхозах и совхозах, где нам удалось побывать в тот раз.

Как оказалось, книги Федора Абрамова знали многие, и личная встреча с ним в такой вот будничной, не парадной обстановке для людей была истинно праздником. Кое-кто, поглазев на писателя, бежал домой и возвращался с книгой Федора Александровича: на личный его автограф смотрел как на чудо, внезапно возникшее у него на глазах.

Мне потом еще не раз доводилось бывать в тех местах и могу свидетельствовать: память о той поездке живет не только в моем сердце, но и во многих сердцах тех, кто видел писателя и говорил с ним.

Памятно мне, как Федор Александрович вроде бы даже удивился, увидев над торцом охлупи одного очень старого дома замшелую и потрескавшуюся от времени голову деревянного коня:

— Гляди-ко, Кузьмич... Точно как у нас на Пинежье! — и, задумавшись о чем-то, с неожиданной печалью в голосе добавил: — Кони мои, деревянные кони...

В то время я, конечно, не мог глубоко оценить его восхищение этой извечной на беломорском Севере деталью крестьянского жилья, как видно, такой многозначной для духовной работы большого художника. А сам он продолжал, как всегда, жить жизнью не отвлеченной, а настоящей, живой, требующей сиюминутного личного его вмешательства.

Прощаясь с председателем колхоза, Федор Александрович дружески попенял ему на то, что кони в его хозяйстве, как видно, не в почете. И добавил убежденно:

— Рано нам ликвидировать коня... Рано! Вот вы коренной крестьянин, Павел Иванович. Вы должны знать, что конь в деревне всегда был не только верным помощником мужику. Он был еще и первым воспитателем деревенских ребят в труде. Верно? А в наше механизированное время конь — как это ни странно может звучать — хорошо мог бы послужить еще и эстетическому воспитанию деревенской молодежи. Ведь как ни поверни — конь одно из самых прекрасных животных на земле!

На третий день с утра мы подъехали к окрестностям Сийского монастыря, как бы спрятанного в лесной глухомани. Машину оставили у начала лабиринта озер и болот, окружающих обитель, и дальше пошли пешком по лесистому своеобразному гребню шириной 10—15 метров, что тянется несколько километров, петляя среди водоемов разной величины. Идти по этому гребню доставляло огромное удовольствие, особенно — прекрасным осенним днем, когда в лесу уже нет ни комаров, ни мошек, а перед глазами то и дело возникают картины природы одна другой прекраснее.

Наконец вот и монастырь... Остатки его церквей и разрушенных стен ограды — при солнечном освещении — все еще белы. Обитель стоит над озером Михайловским и словно возникает из его удивительно синих вод на фоне вечнозеленого леса. На расстоянии красота этого ансамбля в лесной глуши ошеломляла.

Федор Александрович долго стоял на высоком гребне в глубоком раздумье. Молчал. Мы тоже молчали. Мы были привычны к этому чуду — бывали здесь не раз, — но только, может быть, сейчас, рядом с ним, словно увидели эту красоту заново.

Наконец Федор Александрович, тихо-тихо, как бы для себя, сказал: «И я ни разу здесь не бывал... Совсем невозможное дело!»

Мы побродили меж развалин монастыря — вблизи они не так были красивы. Федор Александрович молча слушал его историю, знатоком которой, давно зарекомендовал себя Т. Е. Будрин. Думаю, что и сам писатель знал ее неплохо, судя по тому, как он подавал иногда короткие реплики, уточнял исторические даты.

Под вечер Будрин отвез нас на ближнее озеро, к рыбакам потребкооперации. Федор Александрович с удовольствием закусил свежей ухой, побеседовал с хозяевами, обстоятельно опять же расспрашивал их о жизни и работе.

Но после посещения заброшенной, старинной обители он был, очевидно, расстроен (мы видели это), лицо его выражало усталость. Вскоре он заторопился к дому. Обратную дорогу был непривычно молчалив, несколько раздражен, и мы не лезли к нему с разговорами.

Потом, уже дома, он спросил у меня:

— Ну, и что же вы, холмогорцы, предпринимали, чтобы сохранить памятники?

Мы с Будриным рассказали, что хлопотали по-своему: писали в областные организации, выступали в газетах, мной в журнале «Нева» была опубликована статья с фотографиями разрушений. Что в областном Обществе охраны исторических памятников вопрос о восстановлении много лет не снимается с повестки дня, уже несколько раз памятники пытались реставрировать, однако разрушения стали настолько велики, что для серьезной реставрации теперь нужны очень большие средства, но это дело уже не областных организаций, а центральных.

— Под лежачий камень и вода не течет, — сердито сказал Федор Александрович: — Надо было и в Москву съездить...

Хочется в заключение еще раз подчеркнуть высокую человечность Федора Александровича и замечательную исконно русскую черту в его характере — сострадание. Они проявлялись во всем и всегда: и в его книгах, в его отношении к окружающим, в его неустанной борьбе за лучшую жизнь для всех и для каждого отдельно взятого человека. Не преувеличивая, можно сказать, что он жил для других.

Перегруженный работой (всегда неотложной, всегда требующей полной отдачи сил), он не забывал поздравить с Новым годом, с Днем Победы. Находил время поддержать, помочь, иногда даже взять на себя часть хлопот по скорейшему изданию труднопроходимой книги товарища. Он сумел выкроить два-три дня и вместе с критиком Александром Михайловым приехать в Архангельск на мой 60-летний юбилей в 1974 году и, уж конечно, выступил на праздничном вечере по-абрамовски бурно и доброжелательно.

И мне выпало счастье быть на его 60-летнем юбилее в Ленинграде, еще раз послушать его внешне вроде бы сумбурную речь о жизни, о нашем, писательском, месте в ней, но на самом деле она выражала его абрамовскую суть, не принимающую никаких компромиссов с совестью.

Измученный юбилейной суетой, он все же нашел минуту — справился о здоровье, шутливо пообещал «пображничать» на моем 70-летии.

Не пришлось...

И вот теперь — только воспоминания да груда писем, в которых так и светится его добрая душа, так и бьется его живое горячее сердце, да полка его книг с такими сердечными автографами...

АРХАНГЕЛЬСК

Федор АБРАМОВ.

Фото А. ХАРИКОВА